Пушкин А.

25/I 1987 г.

наши публикации
СОВЕТСКАЯ РОССИЯ ● 25 января 1987 г.

Слово о Пушкине Давида Кугультинова

«ПРЕД СОЛНЦЕМ БЕССМЕРТНЫМ УМА»

ПОЭЗИЯ Пушкина — это неумирающий, вечно живой глас народа: его земля и небо, свет и воздух, музыка и живопись, седина и юность, любовь и нежность, гроза и цветок — жизнь! Иногда я думаю: как была бы бессмысленно пустынна душа, если бы не было его, если бы 6 июня 1799 года не родился он — человек, как сказал Александр Блок, с веселым именем — Пушкин. Это самое главное, что он родился. А 150 лет тому назад он ушел в пространство другого измерения, иную плоскость, иной порядок времени, неведомый нам, и оттуда, вечно живой, смотрит на нас, незримо принимая самое активное участие в нашей жизни.

У меня всегда было ощущение, что Пушкин рядом со мною. Он видит меня более точно и верно, чем я сам себя вижу. Мне казалось иногда, что я где-то могу себя легонечко обмануть, пусть и в мелочах, но его — нет. Обмануть его — равносильно тому, что обмануть себя в главном.

Пушкин близок нам, живущим на пороге нового века, нам, которые самыми лучшими, благороднейшими красками (я не хочу сказать — золотыми, золото слишком скомпрометировано) наносим его имя на транспаранты, с которыми войдем в неведомое, когда откроются ворота третьего тысячелетия.

Его имя будет на страницах паспорта нашего времени наряду с именем Ленина, Толстого, Менделеева, Шевченко, когда мы будем входить в ту, надо полагать, блистательную эру. Я знаю, что так будет, будет третье тысячелетие, потому что в мире есть не только приготовленная для меня, для всех ядерная погибель, но есть Разум и Солнце, сотворенные поэзией, красотою духа человеческого — и Пушкиным:

Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце,
да скроется тьма!

Я прошел довольно длинный путь жизни. Могу назвать день, когда переступил порог школы, когда окончил школу, когда умирал и воскресал, но не могу вспомнить, когда услышал впервые имя Пушкина. Мне кажется, что оно было во мне всегда, и оттого, что оно всегда было во мне, я сам чувствую себя вечно живущим на этой земле и даже как-то написал стихи:

Никто не помнит своего рожденья,
никто не вспомнит свой
последний час —
два рубежа,
две грани,
два мгновенья
неведомы ни одному из нас...

И оттого, что неведомы никому его начало и конец, присутствует в нем ощущение вечности Пушкина.

...Я очень рано начал писать стихи, до школы еще, и когда познакомился со стихами Пушкина, наивно увидел в нем поэта-соперника. И надо было дать протечь времени и стать более взрослым, чтобы увидеть Пушкина — далеко впереди, высоко и всюду вокруг недосягаемого и прекрасного!

В том далеком детстве я был великолепно «обманут» Пушкиным: мне казалось, что весь мир заселен в основном русскими и калмыками, ибо как можно было не поверить этому, когда так гордо звучали в моих ушах: «...и друг степей калмык»; «Прощай, любезная калмычка!»; «...желай мне здравия, калмык!»; «...с коня калмыцкого свалясь» (это Зарецкий в «Евгении Онегине»); «...и вкруг кочующих шатров пасутся овцы калмыков»; «... в очках, в изодранном кафтане, с чулком в руке, седой калмык» (тоже из «Евгения Онегина»), и в «Капитанской дочке» сам Емельян Пугачев был одет в калмыцкую шапку и рассказывал те калмыцкие сказки, которые сам я тогда часто слышал. Все это давало возможность расти чувству гордости в моей детской душе. Но когда позже я узнал, что калмыков всего-то на земле 170 тысяч, разочарования не наступило: истина, внушенная магией поэзии, не померкла, соприкоснувшись с правдой числа, ибо Пушкин доказал, что народ есть не число, а нечто другое, более значительное, более высокое, неизмеримое, и этой неизмеримостью равны все народы.

Никто в мировой литературе до Пушкина не уделял так много внимания и любви сердечной угнетенным народам. В его творчестве мы находим строки о грузинах, башкирах, украинцах, татарах, поляках, калмыках, тунгусах, индейцах, цыганах, черкесах, турках, молдаванах... Можно бы перечисление продолжить — он готов был ринуться в защиту любого угнетенного народа. Он желает быть таким, как Квирога — испанский рыцарь, идущий в бой с насилием. Как Ипсиланти, который готов умереть за свободу. Какие дивные слова сказал Пушкин—Я русский, сражающийся за свободу Испании, т. е. я и Квирога. Но я и за восставших греков вместе с Ипсиланти, но я русский и все народы — мои братья, с которыми я буду в минуты их нужды, потому что ложны границы, разделяющие человеческие племена!

И Пушкин всегда бросался на помощь тем, кто нуждался в нем, даже в грядущее, ибо ложны также границы, разделяющие Добро и Зло одного времени от Добра и Зла другого времени. Несправедливость остается несправедливостью всегда. И Пушкин был опорой, протягивал руку слабым, всегда, не оглядываясь, не убоявшись никого. Я — свидетель тому. Я держал протянутую руку. Когда нашему народу было особенно тяжко, во времена, когда на страницах БСЭ второго издания можно было найти любое слово, но отсутствовало слово «калмык», и этим молчанием энциклопедия утаивала правду. Пушкин на столичной площади в конце Тверского бульвара не лгал, ибо, да простится перефразирование,— гений и ложь — две вещи несовместимые (а может быть, ложь тоже злодейство и нет надобности перефразировать?), он не отрекался от своего «глагола»: «и друг степей калмык».

Пушкин всегда и всюду поэт для всех: и для того, кто удивляется начертанию буквы под разноцветными рисунками «Сказки о рыбаке и рыбке»; и для той, кто тихо шепчет: «Я вам пишу, чего же боле...»; и для того, кто грустно произносит: «Но поздний жар не остынет — и с жизнью лишь его покинет...» Процитировав последние строки, М. А. Шолохов устами своего героя (Стрельцова) далее заметит: «Здорово сказано! Да, браток, когда перевалит за пятый десяток, и Пушкина иначе воспринимаешь. Русский человек, читая Пушкина, непременно слезу уронит... В лагерях, когда не спалось, я всегда восстанавливал в памяти Пушкина, Тютчева, Лермонтова... Особенно по ночам, в бессоннице, вспоминались хорошие стихи. И душевная мука отпускала, и слезы были не такими жгучими...»

...И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Пушкин совершенен даже в его незавершенных произведениях, у него нет ни одной лишней строки. Когда я смотрю любимую мной передачу «Очевидное — невероятное» и на экране читаю эпиграф:

О сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух,
И опыт — сын ошибок трудных,
И гений — парадоксов друг...

я всегда мысленно дочитываю отсутствующую в эпиграфе пятую строку из этого стихотворения: «И случай — бог-изобретатель». Вдумайтесь — какая строка! Сколько заложено в ней! Выше я сказал: нет ни одной лишней строки, но вернее сказать — нет ни одного лишнего слова. Даже зачеркнутые самим поэтом слова оказались необходимы, ибо, расшифровывая их, сколько открытий сделали наши ученые.

Развитие русской, а стало быть, и всемирной (разве можно представить последнюю без Толстого и Достоевского?!) культуры, убежден, зависело от высшей красоты поэзии Пушкина, от того, был бы или не был Пушкин. Ведь высшая красота, красота поэзии, концентрирующей в себе все лучшее человеческого духа, всегда была тем идеалом, к которому стремились люди через бури и невзгоды. Пушкин был поэтом, излучающим свет, но не отражающим чужие лучи. Он был движим долгом и совестью, не входившими в противоречие друг с другом, но служившими единой Истине — Истине того пророка, которому повелено «глаголом жечь сердца людей»:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Эти мужественные, возвышенные строки родил гений Пушкина, а сознание необходимости страдания во имя будущего родило ответные достойные строки:

...Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя...

В мире поэзии появились эти два стихотворения, как два крылатых волшебных коня Истины и Веры, которые мчались сквозь географические расстояния и пространства времени, долетали до страждущих декабристов, до Достоевского и Чернышевского, до Шевченко и Горького, до Ленина и осеняли иные времена и дали, неся в себе и силу, и утешение.

Поэзия Пушкина, как творения Гомера, Леонардо да Винчи, Бетховена, была значительно выше и шире практических забот только своего времени: она, отталкиваясь от берегов XIX столетия, прибавив взрывную силу импульсам, всколыхнувшим волны Сенатской площади и бури грядущих времен, ушла в другие далекие дали, родившие нас, сегодняшних, решая иные нравственно-этические задачи, от которых, быть может, зависит судьба нынешнего человечества.

Пушкин всегда в настоящем той частью своей поэзии, которая постигнута нами, и всегда впереди — тем, что в ней мы постигаем, открывая новое для мыслей и чувств. Он, безусловно, ближе и понятнее нам, нежели своим современникам. Прочитав в 1823 году пушкинскую фразу: «Только революционная голова... может любить Россию — так, как писатель только может любить ее язык» — его современники, вероятно, пугливо озирались назад, но Пушкин, быть может, пророчески смотрел вперед — на алые полотнища, развевающиеся от ветров революции, которая грядет через столетие.

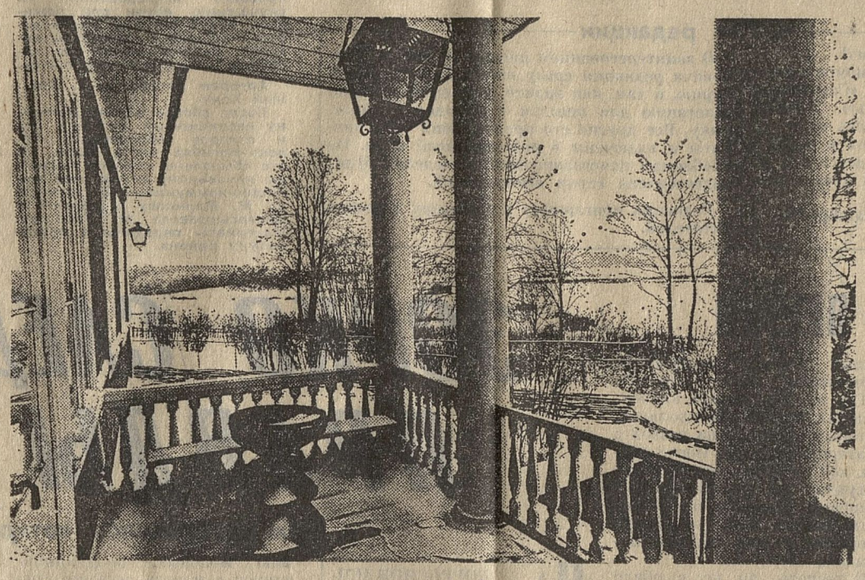
Удивительно, но у Пушкина слово «революционная» вызывало те же ассоциации, что рождаются сегодня и у нас,— очищение, обновление, вынос за пределы своего времени всего того, что мешает движению вперед. Он у всех на виду, он активен и сегодня — незримый, но где-то близко: поощрительно улыбается, если ты совершаешь добрый поступок, и хмурится, если ты, зная, делаешь что-то не так. Нам бывает стыдно перед ним. Порою мне кажется, что мы сегодня живем в особое время — пушкинское, и он был одним из авторов нашей нынешней революционной перестройки, дух которой близок его духу, ибо с высот своей нравственности он видел недопустимость несоответствия между совестью и делами и сам никогда не допускал разрыва между ними. Всей своей жизнью и всем творчеством Пушкин был воплощением истинности изречения мудреца: «Совесть — это честь внутри, а честь — это совесть снаружи».

О как мы все еще нуждаемся в нем, утоляя жажду духа в его уроках чести и совести, нетерпимости ко лжи, угодничеству, воровству, взяточничеству, лицедейству. Ведь мы, чего греха таить, все еще встречаем вокруг себя людей, у которых не вызывает чувства омерзения анонимщик, строчащий клевету, пойманный расхититель, более того, терпят их еще на постах. Нам и сегодня нужно учиться мужеству Пушкина смотреть на правду прошлого как на правду нынешнюю, добрыми чувствами приближая будущее. Да, Пушкин и сегодня более современен многих из нас, ибо «только революционная голова» соответствует времени Революции.

Пушкиногорье. Январь 1987

На берегу Сороти. Старая мельница.

Пушкинские Горы. Памятник поэту.



Михайловское. Дом-музей А. С. Пушкина.

...Низовье неширокой реки Сороти, впадающей в реку Великую. Небольшие озера вблизи Сороти, иногда соединенные с нею протоками. Погост Воронич на городище древнего, давно исчезнувшего града. Парки, сады, леса усадеб Михайловского, Тригорского, Петровского, Савкино. Старый Святогорский монастырь с могилой Пушкина у древнего собора на Синичьей горе. Таков ныне Пушкинский приют на площади более двадцати квадратных километров. Пушкиногорье— одно из таких мест на земле, где можно, призвав на помощь воображение, «перешагнуть» через время и попасть в творческую лабораторию большого мыслителя. И я говорю каждому, чье сердце хоть однажды пленилось гением пушкинских строк:

«Добро пожаловать!» Это не обязательная вежливость воспитанного человека, а искреннее приглашение. Всех. Каждого. И кого обжег навсегда пушкинский талант, и тех, кому еще только предстоит счастье открыть для себя величайшего из поэтов.

Семен ГЕЙЧЕНКО.

Фото Э. Жигайлова.

Николай Доризо

РОССИИ СЕРДЦЕ НЕ ЗАБУДЕТ!

Много лет известный советский поэт, лауреат Государственной премии РСФСР имени М. Горького Николай Доризо обдумывал, вынашивал, писал книгу, посвященную А. С. Пушкину. В ней поэзия и проза, статьи и эссе, многие из которых были опубликованы в «Советской России». Скоро книга «России первая любовь» выходит в издательстве «Современник».

Предлагаем вам несколько стихотворений из этой книги.

Едва
он умер,
тихо,
величаво,
Как в тот же самый миг
и на века
Пришла
на Мойку
пушкинская слава,
Пришла,
как на Сенатскую
войска.
Она
пришла к нему
в дыму метели
В салопчике,
в душистых соболях,
Пришла
в худой студенческой шинели,
В тулупе,
В чуйке,
В стоптанных лаптях.
Пришла,
И на гранитном пьедестале —
Доныне,
До сегодняшнего дня —
Ее цветы живые
Не увяли.
Они —
как трепет
Вечного огня.
Пришла,
как гимн,
Пришла,
как «Марсельеза»,
Пришла,
неправде
глянула в глаза —
В слезах
любимой дочери
Дантеса,
Что
как убийцу
прокляла отца.

* * *

Нет,
он не умер.
Тот последний миг,
Тот пульс
в прожилках
Все еще не тает.
Он умирает
на руках моих,
Он умирает.
Так было век назад,
И так сейчас
Конца и края ночи нет метельной.
О как он жив,
До бледности смертельной,
Жив
до слезинки
Из усталых глаз.
Теснится в стужу
Дымная толпа,
Глядит
с немой надеждой
На ворота,
И я стираю
С пушкинского лба
Своим платком
Святые капли пота.
Я хоронил
своих друзей
не раз.
В быту
живой о мертвом
забывает.
Но он не умер,
оттого сейчас
Такая боль:
он жив.
Он умирает.
Сижу я,
веки медленно смежив,
Божественные строки повторяю!..
Да. Так он жив,
что даже умирая,
Он снова жив.
И будет вечно жив.

* * *

Нет
Пушкину
равного,
нет,
Никто
с ним
вовек
не сравняется.
Чем
выше
поэт,
Тем
ниже
пред Пушкиным
он
преклоняется.

* * *

Устав от суеты мирской,
В благом молчанье одиноком,
Мой Пушкин,
каждою строкой
Я говорю с тобой как с богом.
И повторяю вновь и вновь:
Твой пламень время не остудит.
Тебя, как первую любовь,
России сердце не забудет!

ЧЕРЕЗ ВСЮ ЖИЗНЬ

Об истории пушкинских томов из личной библиотеки В. И. Ленина

Говорится, что книги, как и люди, имеют свои судьбы. В таком случае неповторимы они у томов, принадлежащих В. И. Ленину. Все личные книги вождя неразрывны с его жизнью и деятельностью. Такова и судьба книг А. С. Пушкина из личной библиотеки Владимира Ильича, о которых и пойдет наш рассказ.

...Это было вскоре после открытия музея «Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле». Я попал туда с группой московских писателей и журналистов. Все мы были потрясены той простой обстановкой, в которой жил и трудился Ильич, величием свершенного им в этих стенах. Но я буквально замер у книжной полки в рабочем кабинете, увидев там семитомник А. С. Пушкина московского издания 1882 года. Удивиться было чему: месяца за полтора-два до этого я держал в руках эти же самые тома в доме семьи Ульяновых на родине Ильича, в том самом доме, где ныне мемориальный музей.

История симбирских томов семьи Ульяновых мне была хорошо известна, она подтверждена неоспоримым документом. Летом 1929 года в Ульяновск специально приезжала старшая сестра Владимира Ильича, видный деятель нашей партии А. И. Ульянова-Елизарова. Там готовились к открытию мемориального музея. В связи с этим советы старшей сестры Владимира Ильича были крайне необходимы. Помимо этого, Анна Ильинична просмотрела составленный сотрудницей музея список литературы, которую читали Ульяновы в годы проживания в Симбирске, той литературы, на которой воспитывались все дети этой семьи. В разделе «Беллетристика» этого списка под номером восьмым значится: «Пушкин А. С. Сочинения. (Изд. 8-е, Ефремова, 1882)», то есть те же самые семь томов, что и ныне находятся в рабочем кабинете Ильича.

Мы имеем все основания сказать, что все Ульяновы воспитывались на А. С. Пушкине. А. И. Ульянова-Елизарова писала: «Всех русских классиков мы прочли в средних классах гимназии. Отец рано дал их нам в руки...»

В руках Ульяновых, естественно, оказалось и лучшее по тому времени семитомное издание «Сочинения А. С. Пушкина. С приложением его портрета, гравированного на меди Райтом». Оно было осуществлено в Москве в 1882 году. Редактор, известный русский библиофил и библиограф, прекрасный знаток русских классиков П. А. Ефремов, писал во вступительной статье: «Для нынешнего осьмого издания мы снова сличили все произведения А. С. Пушкина с последними текстами, явившимися в печати при его жизни, а где можно было, там и с подлинными рукописями, и внесли все поправки и дополнения... Сверх того, мы добавили новый том писем поэта к его друзьям, близким, знакомым и родственникам.

Письма эти, разбросанные в течение целого пятидесятилетия по разным газетам, альманахам, сборникам и журналам... и ныне собранные в первый раз, представляют драгоценный материал для биографии поэта, а вместе с тем служат важным источником для характеристики той литературной и общественной среды, в которой протекала жизнь великого писателя, так рано погибшего, говоря его же словами, жертвой клеветы и мстительных надежд в полном развитии сил и гениальной деятельности. Погибшего «жертвой клеветы...» — это, пожалуй, одно из самых первых и смелых указаний в дореволюционной литературе на причину трагической гибели великого поэта.

Принципиально новым и смелым была впервые осуществленная публикация в качестве приложения к «Истории Пугачевского бунта» портрета Пугачева, прикованного к стене, печати Пугачева, снимка с его собственноручной подписи под указами, снимков с подписей восьми военачальников, действовавших против него, карты губерний, охваченных восстанием. Все эти материалы предназначались самим А. С. Пушкиным для публикации в качестве приложения к «Истории Пугачевского бунта», но были запрещены цензурой.

Словом, издание А. С. Пушкина 1882 года было самым лучшим в ту пору, и Владимир Ильич не мог его забыть. Сохранить же эти семь томов до Великого Октября не представлялось возможным. Скитальческая жизнь революционера, тюрьма, ссылка, многолетняя вынужденная эмиграция — явно неподходящие условия для создания постоянной большой библиотеки. Из симбирских книг Ульяновых до нас дошли единицы. Но именно это издание А. С. Пушкина Владимир Ильич вспомнил в труднейшем 1919 году. Об этом пишет В. Д. Бонч-Бруевич: «Владимир Ильич выразил желание иметь под руками собрание сочинений классиков и Толковый словарь Даля. Из классиков были доставлены: Достоевский, Гоголь, Гончаров, Лермонтов, Некрасов, Л. Н. Толстой, Грибоедов, Тургенев, Пушкин, Тютчев». В счете № 917 от 22 ноября 1919 г. «Председателю Совета Народных Комиссаров В. И. Ленину» за отпущенную литературу значится: «Пушкин. Сочинения. 7 томов. Цена 7 руб.». Именно про эту литературу, в том числе и про семитомное издание А. С. Пушкина, пишет В. Д. Бонч-Бруевич: «Все эти книги были доставлены из центрального книжного склада Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов. В кабинете Владимира Ильича был поставлен шкаф, туда все эти книги (в переплетах) и были помещены». Так родные братья симбирских томов А. С. Пушкина оказались в рабочем кабинете В. И. Ленина в Кремле.

Через всю жизнь пронес Ильич любовь к великому русскому поэту, обращался к нему в труднейшие дни. Сибирская ссылка 1897—1900 годов. В мае 1898 года к нему в Шушенское приехала Н. К. Крупская, тоже сосланная за революционную деятельность. Она писала: «Я привезла с собой в Сибирь Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Владимир Ильич положил их около своей кровати, рядом с Гегелем и перечитывал их по вечерам вновь и вновь. Больше всего он любил Пушкина». Вспомним, годы сибирской ссылки были годами напряженнейшей работы В. И. Ленина. Тут он написал свыше 30 произведений, навсегда вошедших в сокровищницу марксизма-ленинизма, в том числе свое исследование «Развитие капитализма в России». Тут он разработал гениальный план создания нашей партии. Глубоко изучал философию. И рядом с Гегелем у него лежит А. С. Пушкин.

Революция 1905—1907 годов. В эти дни впервые без цензуры выходят многие запрещенные ранее произведения русских писателей. Среди них «Сборник неизданных стихотворений в России Пушкина, Лермонтова, Рылеева, Некрасова, Тургенева». В огне революции этот сборник был замечен В. И. Лениным, он сохранился в его библиотеке. В сборнике всего 16 страниц, из них шесть отведено стихам А. С. Пушкина, запрещенным в свое время цензурой: «Во глубине сибирских руд...» с подзаголовком «Посвящается декабристам». Тут же, под заголовком «Ответ декабристов на послание Пушкина», напечатано известное стихотворение декабриста А. Одоевского «Струн вещих пламенные звуки...» Вспомним, слова из этого стихотворения «Из искры возгорится пламя!» В. И. Ленин сделал эпиграфом революционной газеты «Искра».

Еще один том А. С. Пушкина и еще одна страница из жизни В. И. Ленина. 1913 год. Об этом времени Н. К. Крупская писала: «Без чего мы прямо тут голодаем — это без беллетристики. Мы беллетристику нашу (ничтожную часть того, что было в Питере) оставили в Париже, а тут негде достать русской книжки. Иногда с завистью читаем объявления букинистов о 28 томах Успенского, 10 томах Пушкина и пр. и пр.» Строки эти — из Кракова. Видимо, среди «беллетристики», оставленной в Париже, был и пятый том собрания сочинений А. С. Пушкина, выпущенный в 1911 году в Петербурге. И он сохранился в личной библиотеке Владимира Ильича в Кремле.

К годам эмиграции относятся и четыре странички, вырезанные из московского еженедельника «Искра» № 45 от 15 ноября 1909 года. На них воспроизведены впервые документы из «Дела об учреждении опеки над детьми и имуществом А. С. Пушкина» из семейного архива великого поэта, переданные его внуком в Театральный музей А. А. Бахрушина в Москве. Документы эти представляют огромную ценность. Страницы с ними сохранились в рабочем кабинете Ильича вложенными в книгу А. С. Полякова «О смерти Пушкина. (По новым данным)», которая была издана в Петрограде в 1922 году. Как же надо было любить великого Пушкина, чтобы заметить публикацию его документов в малоизвестном журнале и сохранить их!

После победы Великого Октября В. И. Ленин не пропускал ничего существенного из пушкинских изданий. В его кремлевской библиотеке по каталогу насчитывается более 25 томов А. С. Пушкина, изданных в период с 1859 по 1923 год. Прибавим к этому еще более 15 исследований о жизни и творчестве великого русского поэта и мыслителя. Это ли не свидетельство великой любви Ильича к Пушкину!

Пушкинские изречения Ленин мастерски использовал в своей политической борьбе. Впервые он процитировал А. С. Пушкина в работе «К характеристике экономического романтизма», которую закончил весной 1897 г. в сибирской ссылке. Критикуя либеральных народников, он привел строку из пушкинского стихотворения «Герой» — о «нас возвышающем обмане». С той поры, до самых последних своих работ, Владимир Ильич использует пушкинские строки против своих политических недругов, цитируя и «Бориса Годунова», и «Евгения Онегина», и «Сказку о царе Салтане...», и «Сказку о рыбаке и рыбке», и «Капитанскую дочку», и многие стихотворения. Приведем лишь один пример: отражая яростные атаки на большевиков различных отступников от революционного марксизма, В. И. Ленин в январе 1907 года издал брошюру и озаглавил ее словами из пушкинского стихотворения «Поэту» — «Услышишь суд глупца...» с подзаголовком «Из заметок с. д.-публициста».

Так шел Ленин вместе с Пушкиным через всю жизнь...

А. ЕРОХИН.